Андрей Арсеньевич Тарковский

В фильме Марлена Хуциева «Застава Ильича» есть такой эпизод: главный герой сталкивается с золотой молодежью начала шестидесятых. Это высокомерные, очень благополучные, очень сытые интеллектуалы. Стиль их жизни – ирония, предметом которой становится всё: вплоть до таких вещей, над которыми смеяться нельзя ни при каких обстоятельствах. Среди компании золотых мальчиков и девочек - худощавый, резкий, остроскулый, с внимательными глазами юноша - его играет Андрей Тарковский. Может быть, отсюда и пошла легенда о золотом мальчике Андрее, сыне знаменитого поэта, которому все пути в жизни были открыты.

Но дневники Андрея Тарковского названы Мартиролог – список страданий. Возникает вопрос, почему?

Да, начало жизни Андрея было лучезарным . Его родители жили в Москве, учились на Высших литературных курсах. Мария Вишнякова, Маруся, как называли её друзья, и Арсений Тарковский познакомились, поженились и ждали первенца. Отчим и мать Маруси давно покинули Москву и жили в Юрьевце, который находился тогда в Ивановской области. (Сейчас это Кадыйский район Костромской области) .Мать Маруси очень волновалась за дочь и настояла, чтобы молодые люди приехали в Юрьевец, . Дело в том, что Марусин отчим был врачом.

И вот в начале апреля 1932 года будущие родители поехали из Москвы до Кинешмы поездом, а от Кинешмы 30 километров на лошадях по раскисающему снегу, через Волгу, которая вот-вот должна была вскрыться. Торопились, боялись не успеть до ледохода.

Успели, и 4 апреля 1932 года на свет появился Андрей Тарковский. Арсений Тарковский, или как его переименовали с момента рождения сына, папа Ася, очень торопился зарегистрировать ребёнка. Со справкой от местной акушерки, написанной весьма витиеватым слогом, он помчался в Завражье и получил свидетельство о рождении сына Андрея. Вот почему, несмотря на московские корни, Андрей Тарковский - наш земляк, урожденный и зарегистрированный на костромской земле.

Молодые родители очень ответственно отнеслись к появлению первенца. Оба – люди пишущие, ну, Арсений Тарковский – поэт, это все знают, но и мать Андрея собиралась стать профессиональным литератором. Поэтому с самого первого дня они завели дневник, в который заносили всё, что касалось их ребёнка.

Вот самая первая запись Арсения Тарковского о своём сыне от 7 апреля 1932 года: «В Завражье в ночь на 4 апреля, с воскресенья на понедельник, родился сын... Пятого был зарегистрирован, назван Андреем и получил ’’паспорт”.

Глаза темные, серовато-голубые, синевато-серые, серовато-зеленые, узкие; похож на татарчонка и на рысь. Смотрит сердито. Нос вроде моего, но понять трудно, в капочках. Рот красивый, хороший»

Андрюша был беспокойным. Вот что пишет мама Маруся: «8 апреля, пятница, седьмой час вечера. Рыська (так прозвали малыша) спит. И все спят после обеда. Я ночью не спала совсем... Вой стоял дикий. Он вообще имеет обыкновение днем спать, как пьяная кошка, а ночью часа два бодрствовать. Если бы не дедушка, то наплевать бы... 12 апреля, около 10 часов вечера. Ночь была кошмарная. Орет, и ничего нельзя сделать...»

Арсений Тарковский оказался замечательным папой и няней. Стирал бесконечные пелёнки, вставал ночью к вопящему малышу. А ещё писал стихи:

Расскажите, как живет
Ваш любимый, милый кот.
Рано утром он встает
И, как водится, орет.
Вот, вот, как живет
Наш любимый, милый кот...

Первые годы жизни Андрея, Дрилки, ещё одно младенческое прозвище мальчика, были действительно счастливыми, Он был любимым сыном у мамы и папы. Семья вернулась в Москву. Скоро у Андрюши появилась сестренка. А потом счастье кончилось. Папа из семьи ушёл. Ну что тут поделаешь, поэты – они такие.

Жизнь сразу стала тяжёлой. О собственном творчестве Марусе пришлось забыть. Теперь уже Мария Ивановна поступила на работу корректором в типографию и еле-еле сводила концы с концами, поднимая двух детей. Работала сверхурочно, брала работу на дом, но корректорское жалованье даже с переработкой – гроши. Началась война. Мария Ивановна с девятилетним Андреем и шестилетней Мариной эвакуировалась в тот же Юрьевец. Да, там не бомбили, но голод, холод и прочие тяготы военного времени эта маленькая семья испытала в полной мере.

После войны Мария Ивановна с детьми вернулась в Москву. А вокруг - блатная романтика московских подворотен. Поэт Андрей Вознесенский жил неподалёку. Он вспоминал такую историю: как-то мальчишки гоняли футбольный мяч. С ними был Шка, взрослый лоб, по словам Вознесенского, блатной…Он уже воровал, вышел из колонии. Его боялись. К футболистам подошел худенький мальчик в белом свитере, и Шка предложил ему встать на ворота. Не просто так предложил. Он предвкушал забаву: бить в белый свитер, забить мальчишку до полусмерти. Мальчик в белом свитере держал удар, а удары были страшные. По силе и безжалостности. До остальных мальчишек дошло, что задумал Шка. Тогда они будто бы случайно отправили мячик прямо под колёса мчащейся по шоссе машины.

Осенью в класс, где учился Вознесенский, пришёл новичок, в котором Вознесенский узнал тот самого мальчика в белом свитере. Он был старше всех в классе, потому что год пропустил – туберкулёз.

Подруга Марии Ивановны Вишняковой-Тарковской Наталья Барановская, вспоминает, как они нанимали что-то вроде дачи в деревушке

под Звенигородом. Как бы тяжело ни было, нужно было вывозить детей на свежий воздух. Она описывает юного Тарковского как красивого мальчика, худого, ловкого и лёгкого в движениях, походке. Очень внимательного ко всему, что населяло мир, в котором он существовал: людям, деревьям, реке, небу… В общении же он был дерзок, ершист.

Марии Ивановне стало с ним трудно. В какой-то момент возникло непонимание. Марию Ивановну беспокоило, что Андрей никак не может определиться в жизни, а это было не просто желательно, это было необходимо – твердо стоять на ногах, ведь тянуть двух подросших детей для матери становилось всё трудней. Мария Ивановна жаловалась, что не понимает Андрея: начал заниматься музыкой, бросил, живописью – тоже. Наконец, поступил в Институт востоковедения – но и здесь его хватило только на год.

Из воспоминаний Натальи Барановской: «Маруся была в отчаянии. Дочь Марина утешала: «А ты всерьез думала, что он будет там учиться?» Был у меня тогда примечательный разговор с Марусей. На мой вопрос, что же теперь будет с Андреем, она ответила: «Устроила его в геологическую партию, в тайгу...» Спрашиваю, куда, с кем, как одет, как обут... Говорит сердито:

— Как обут? Обыкновенно, в ботинках.

— Надо бы сапоги...

— Откуда я их возьму?!

— Так он же простудится.

— Пусть.

— Так у него же легкие не в порядке.

— Пусть.

Вздох. Молчание, долгое молчание. Затем о другом.

Довёл!»

Сам Тарковский об этом периоде говорил, что он тогда связался с нехорошей компанией, может, с тем же Шкой. Мать буквально спасла его.
За год тяжёлой жизни в тайге среди геологов он, видимо, понял о себе главное, определился. Ему, человеку со взглядом философа, мало было искусства, выражающего мир в его одной ипостаси: в цвете, музыке, слове… А какое искусство может отразить мир целиком, всеобъемлюще, как ни кино?

Видимо поэтому, вернувшись через год в Москву, Андрей Тарковский поступил во ВГИК.

Кроме жизненного опыта, времени на размышления о своей судьбе, год в тайге приоткрыл для Андрея некую тайну бытия, многомерность, таинственность жизни.

Друзьям Андрей рассказывал нам случай, бывший с ним в геологической экспедиции на Курейке в 53-м году. Лежал он в охотничьей избушке один, ночью. Вылт ветер, деревья скрипели, надвигалась буря. И вот вдруг услышал он голос: «Уходи отсюда!» Такой вот отчетливый тихий голос. Андрей не шевельнулся. Голос снова: «Уходи отсюда!» Андрей

выбежал из избушки, то ли повинуясь этому голосу, то ли от испуга, то ли вследствие третьей, неизвестной ему причины. И тут же огромная лиственница, сломанная, как спичка, могучим порывом ветра, упала на избушку по диагонали, как раз на тот угол, где минутой раньше лежал Андрей...

Тарковский любил все таинственное и необъяснимое. У него с детства набралось много историй о знамениях, гаданиях и пророчествах. Начав с семейных, деревенских и таежных чудес, Андрей и потом серьезно интересовался непознанной, таинственной стороной жизни. Со временем тайна стала важнейшим компонентом его творчества.

Так что не был Андрей Тарковский золотым мальчиком, сыном знаменитого отца, которому по блату (характерная черта того времени) киношное начальство разрешало полную свободу творчества. Как бы не так! Каждый кадр каждого фильма оплачен, что называется, кровью сердца. В раннем детстве, юности жизнь его в смысле материальном была тяжела и скудна. Зато в смысле духовности она была неизмеримо богата благодаря неустанным усилиям матери, Марии Ивановны Вишняковой Тарковской, скромного корректора одной из московских типографий, оставившей мечту о литературе, об устроенной личной жизни ради своих детей.

Так что нет ничего странного, что Андрей Тарковский назвал свой дневник «Мартиролог».

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь